

Иван, крестьянский сын, покоритель морей

И.М. Терёхин (крайний справа).
остров Шумшу, Курильская гряда, база Катаока, 1946

И.М. Терёхин.
Москва, 1957

Капитан первого ранга, участник боевых действий на Северном и Тихоокеанском флотах Иван Михайлович Терёхин родился в Симбирске в 1908 году, в доме № 49 по улице Панской. Его судьба показательна для своего времени: родившись в многодетной крестьянской семье, он сумел многого добиться в жизни благодаря высокой целеустремлённости и исключительной ответственности.

С молодого возраста Иван Терёхин вёл записи, в которых отражал важные события. Сохранил он и семейную переписку: самые ранние письма датируются 1924 годом. Прошли десятилетия, и эти дневники, имевшие, казалось бы, сугубо личный характер, обрели историческое значение.

Родной Симбирск остался в памяти Ивана Михайловича самым близким и тёплым местом на земле, о котором он всегда помнил и куда стремился хоть ненадолго вырваться из своей непростой военной жизни.

«На нашу детскую долю выпали тяжёлые годы, годы Первой империалистической войны, годы страшного голода, эпидемии тифа и прочих болезней в Поволжье. Перед войной 1914 года жили мы на северной окраине города – Северном выгоне, в маленьком домике. На дворе стояли сарай, сеновал, землянка для бурёнки. Улица была пыльная, грязная. Летом по ней прогоняли стадо коров и коз, а зимой улица утопала в сугробах снега. Одним концом она упиралась в свалку городских отходов, другим концом выходила

на площадь-пустырь, где стояло несколько деревянных кузниц...».

Как же могла здесь зародиться у мальчика романтическая мечта о дальних морях, о заманчивой морской профессии? Никто в семье и не помышлял об этом. «Летом нам жилось вольготнее – старшим из нас иногда разрешалось сходить с взрослыми ребятами на Волгу, на Свягу, в луга. Из таких походов мы возвращались домой усталыми, голодными, но всегда довольные родительским доверием».

Но жизнь готовила другие испытания. Осенью 1914 года семья, в которой было шестеро детей, проводила отца на фронт.

«После проводов отца над нами, как и многими другими солдатскими семьями, нависла жестокая неотступная нужда... Горько вспоминать, как мы, босоногие малолетки из бедных солдатских семей, бегали, как за поданием, в благотворительную кухню за мутной похлёбкой, полбяной кашей и за куском ржаного хлеба. Бегать приходилось далеко по пыльной булыжной дороге, и было не счесть

на наших ногах заноз, ссадин и сбитых ногтей».

Да и сама жизнь оставляла свои метки на детских сердцах: ранняя смерть (в 34 года!) любимой и любящей матери, сиротство, вынужденное пребывание старших детей в приюте, где они встретили и Февральскую, и Октябрьскую революции 1917 года.

«Зимой трое из нас жили в городе, у бабушки, и учились в школе, а летом жили и работали в деревне. Учились мы настойчиво и с желанием... В школу приходилось ходить далеко. Размещалась она в нижнем этаже жилого дома в Молочном переулке, рядом с городской баней... Среди ребят было предостаточно шалунов и забияк, но эта сторона ребячьей уличной жизни нас не увлекала... Мы, ребята, как и все волжане, очень любили наблюдать весенний ледоход на Волге. Обычно перед ледоходом с Волги доносился гул и треск от взломки льда, затем начиналось его движение – сначала рысками в отдельных местах... По мере ускорения движения льдины начинали кружиться, биться, вздыбливаться друг на друга,

обрушиваясь на всё, что препятствовало их движению...».

Так и в жизни – бежало неостановимое время со своими тяготами, но и радостями.

«В 1921 году на Поволжье обрушились голод и тиф. Жизнь в городе и деревне обнищала и становилась невыносимо тяжёлой. Все мы переболели тифом. Временами казалось, что жизнь каждого из нас теплится, как огарок свечи, которому достаточно маленького дуновения ветерка, чтобы он погас. Нам повезло – мы остались живы... Осенью 1922 года я поступил учиться в профшколу имени КИМ с зачислением на интернатское содержание. В этом же году вступил в пионеры...».

После окончания профшколы Ивана в числе пятерых интернатовцев трудоустроили (во время большой безработицы!) на Самайкинскую фабрику им. Ф.Э. Дзержинского. «Мы, фабричная молодёжь, работали с энтузиазмом. Жили в общежитии, в доме бывшего фабриканта. В октябре 1927 года я был принят кандидатом в члены партии, а осенью 1928 года я поступил в Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в Ленинграде».

Первый год учёбы был сложным, и настроение противоречивое, но уже первое курсантское плавание позволило понять: выбор сделал правильно. «Море понравилось своей суровой красотой и какой-то только ему присущей загадочностью. Позналась настоящая, преданная, крепкая бескорыстная матросская дружба и взаимовыручка. И я бесповоротно покорился морской судьбе... По окончании ВМУ, в январе 1933 года, приказом Тухачевского направлен в распоряжение

командующего Тихоокеанским флотом тов. Викторова...».

В 1936 году молодого офицера посылают в Ленинград на специальные курсы. А в июле – августе 1938 года он участвует в Хасанских событиях на кораблях в районе залива Посьета. Иван Михайлович уже был женат – он встретил первую и единственную свою любовь, вместе с супругой они поехали к месту службы в Приморье.

«Служба на Дальнем Востоке, даже в мирное время, была беспокойной. Многочисленные пограничные конфликты создавали для флота большое напряжение. Корабли постоянно находились в повышенной готовности...».

В дневниковых записях того времени мы не найдём конкретных цифр и фактов, характеризующих обстановку на границе с Японией. Это стало достоянием общественности гораздо позже. Но тональность повествования и некоторые реплики дают представление о сложности положения страны накануне войны и о непростых взаимоотношениях с воинственным восточным соседом.

Долгожданный отпуск в июне 1941 года был прерван войной. Новые испытания для страны, конечно же, стали и личным испытанием, полосой тревог и потерь: разлука с семьёй (в сентябре 1941 года все семьи из Приморья были эвакуированы в Сибирь), гибель младшего брата в ополчении под Ленинградом, гибель в блокаду семьи старшего брата, гибель дочери младшего брата в эвакуации. Страшным горем были эти безвременные утраты...

«В январе 1943 года я был послан в Военно-морскую академию им. К.Е. Ворошилова в город Самарканд. Весной

1944 года Академия возвратилась в героический Ленинград. «О, этот город! Как его пытали, с земли и с неба, стужей и огнём...». С тяжёлым чувством горечи бродил я по израненным, опустевшим знакомым местам Ленинграда. Не встретил никого из родных и знакомых – все они погибли за Ленинград».

О своём участии в Петсамской десантной операции на Северном флоте записи очень краткие: «был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени».

В марте 1945 года И.М. Терёхин был назначен на должность заместителя начальника по оперативной части Кольского морского оборонительного района Северного флота. Флотом командовал замечательный адмирал А. Г. Головкин.

На штаб возлагались обязанности «по обороне главной базы флота и обеспечение безопасности плавания кораблей в операционной зоне оборонительного района. Время было тяжёлое и ответственное».

В записках мало личных переживаний, всё подчинено службе и воинскому долгу. Но вот – 9 мая 1945 года, конец войны. Здесь эмоции захлещывают. «В этот день, на митинге жителей Полярного, адмирал А.Г. Головкин с мостика эскадренного миноносца, стоявшего у пирса, радостно-пламенно и трогательно поздравил всех нас с Великой Победой. Такой общей радости я никогда не видел и не испытывал, и такого «ура», которое прогремело на этом митинге, я ещё не слышал. От счастья многие обнимались, целовались и плакали».

Но служба продолжалась, да и военные дела ещё не были закончены.

«В конце июля 1945 года я получил назначение на Тихоокеанский флот командиром бригады фрегатов (американской постройки) Камчатской флотилии... Япония продолжала упорно и отчаянно воевать».

Все эти годы семья моряка пыталась быть рядом с ним, но слишком часто обстоятельства оказывались сильнее, и было не миновать длительной разлуки. В эвакуации удалось добраться до родных в Ульяновской области. За это время подросток сын, свой первый класс он окончил в Радищевской школе. Собственноручно написанное им письмо отец получил на Камчатке 15 октября 1945 года. Это письмо шло 35 суток, преодолело 12 тысяч километров и несколько цензур.

Лишь в феврале 1946 года, после капитуляции Японии, семья смогла воссоединиться. Произошло это на Курилах, самом северном острове гряды

Ульяновск, ул. «Радищева» (бывшая Мартынова), д. 84. Интернат профшколы им. КИМ, где И.М. Терёхин жил в 1922–1924 гг.

Шумшу (или Сюмосю), на Военно-морской базе Катаока, первым командиром которой и стал И.М. Терёхин. Было ему 37 лет. Именно ему поручили налаживать нормальную жизнь на освобождённой территории острова после завершения Курильского десанта.

«Жизнь на Курилах была очень тяжёлой. Все японские постройки были предназначены для военных целей. Строились под землёй и были мало пригодны для жилья людей... Под воздействием вулканов острова часто трясло. Пришлось пережить страшное буйство природы – извержение вулкана Сарычева на острове Матуя в 1946 году. Матросы в шутку, не без основания, прозвали Катаоку «берлогой всех морских и подземных чертей». А оставшиеся ещё на острове пленные японцы пугали русских непонятным цунами.

Вскоре, в связи с новым назначением И.М. Терёхина на должность заместителя начальника штаба пятого ВМФ, семья переехала во Владивосток. Переход в течение девяти суток Тихим океаном, потом, через Сангарский пролив, Японским морем осложнился двухдневным десятибалльным штормом.

Казалось бы, эти величественные картины, грозные события должны были вытеснить из памяти маленький приволжский городок. Но нет. Тянуло в родной Симбирск, давно уже ставший Ульяновском. Волга полноправно соперничала с необозримыми морями и океанами. Об этом записи в тетрадях от 1948 года: «Ульяновск... выглядел не совсем ещё оправившимся от тягостных лет войны... Вместе с тем везде чувствовалось оживление: мостили улицы, проводилась трамвайная линия, реконструировался вокзал и огромная строительная деятельность развивалась

в Засвияжье». Позитивный взгляд на жизнь был отличительной чертой характера моряка. А ещё – обострённое чувство ценности каждого момента отпущенного человеку на земле времени. В 1970-е он отмечал: «...всякий раз, когда приезжаешь в Ульяновск, постоишь на Венце, уже убелённый сединой, посмотришь на Волгу и на необозримое Заволжье, в голове так и замелькают воспоминания о нелёгком, но всё же дорогом сердцу детстве... Сотни раз в «стае» ребят спускались к Волге и поднимались на Венец по деревянной, семисотступенчатой лестнице».

Приезды в Ульяновск были уже из Москвы, куда Иван Михайлович назначался дважды: в 1950 году на должность начальника оперативного отдела Главного управления боевой подготовки Морского Генерального штаба и в 1956 году на преподавательскую должность Высшей академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова.

«За время работы в Москве побывал с инспекцией на всех флотах и флотилиях. Черноморский флот быстро пополнялся новыми кораблями. Севастополь из руин восстанавливался белокаменным красавцем. Балтийский флот, поделившись на два флота, присматривался, что к чему. Северный и Тихоокеанский флоты были и остались наиболее сколоченными и боевыми флотами».

Неудивительно, что «морская душа» Терёхина не выдержала: в 1953 году он снова попросился на флот. На этот раз под его командованием оказалась Владимиро-Ольгинская военноморская база пятого ВМФ на Дальнем Востоке. Опять разлука с семьёй. Возможно, Приморье и стало бы окончательным портом приписки, но тяготы морской службы, война, активное уча-

И.М. Терёхин.
Москва. 1986

стие в боевых действиях – всё это сказалося на здоровье. Долго отказывали в увольнении в запас. И всё же... Коварная болезнь заставила оставить любимое дело, и... «охватила тоска о флоте, как о старом верном друге. Уж очень не хотелось уподобляться аварийному кораблю, которому нет больше попутных ветров». О таком ещё недавнем боевом прошлом напоминали теперь ордена и медали на чёрном морском кителе. Конечно, немаловажно было и то, что его жизненный опыт и практические знания были нужны новому поколению морских офицеров – слушателям Военной академии.

Ещё на Курилах Иван Михайлович вручил своему одиннадцатилетнему сыну толстую тетрадь из остатков союзнической канцелярии. На ней – подпись: «Остров Сюмосю. Морская улица. Д. 24. Настоящий журнал дарю сыну Мише для ведения дневника своего детства. Пусть этот дневник послужит средством для приобретения навыков в обобщении результатов сделанной работы за день и воспоминаний о прошлом. 14 февраля 1947 год».

Прошли годы, и сын стал моряком. Пролетело время, и внук надел морскую офицерскую форму. Служба и воинский долг разбросали их по разным флотам. Было, о чём говорить за общим столом защитникам Отечества с берегов Тихого океана, Белого и Чёрного морей. А началась эта история с Волги, с плеска её волн, с маленькой пристани средневолжского городка, оказавшейся началом большого жизненного пути нескольких поколений.

И.М. Терёхин. Дальний Восток,
Владимиро-Ольгинская военноморская база. 1953

Татьяна Алисевиц